ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Раскрепощение молодежи должно быть делом самой молодежи!

5 ЯНВАРЯ 1919 г.

№ 17.

Цена в Москве 2 р. 50 к.
вне Москвы 2 р. 75 к.

Главная контора и редакция:
Москва, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12.
РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА открыты по вторникам и четвергам от 5—7 часов вечера.
ЭКСПЕДИЦИЯ: Тверская, 27, кв. 51.

Содержание № 17.

1. Движение крестьянской молодежи—Н. Маркова. 2. К единению—М. Т. З. Молодежь и Советская власть—Н. Маркова. 4. Эхо молодого леса. 5. Стихотворения. 6. Надломленные крылья — рассказ С. Подгорецкого. 7. Стихотворения. 8. Правдивая История Госуд. Российского Ив. Аспирина. 9. Вольная трибуна. Признанье поэта—Е. Горловой. 10. Хроника.

Иллюстрации в количестве 4-х — работы А. Манкова.

Виньетка на обложке—работы Б. Андреева.

Движение крестьянской молодежи.

Революция — ураган. Как ураган в своем движении тем стремительнее и сильнее, чем меньше он имеет преград—неприступных скал, крепких лесов, так и революция. Она стремительнее и сильнее в городах, где к ней более подготовлены, где ее с радостью ждут и она тише, незаметнее в деревнях, где среда менее подготовлена к ее восприятию.

Молодежь в деревне проснулась, но часть ее еще не успела „протереть глаза" и умыться. К товарищам, которые „умылись", еще наблюдается несочувственное отношение обывательщины. Мало того, что сама молодежь еще сонна и „еле раскачивается",—являются другие препятствия к организации кружков, со стороны местных комитетов бедноты, советов и со стороны стариков.

Товарищи из деревни сообщают, что прежде, чем удастся организовать какой-либо кружок, приходится добывать „разрешение", которое с большим трудом „получаешь" после долгих уговоров и убеждений членов местной власти, как, напр., это было в деревне „Починок" Нижегородской губ., где местные члены комитета бедноты не то, чтобы содействовать культурным начинаниям молодежи, но даже тормозили эту работу. Другим тормозом движения молодежи являются старики, которые в организо-

ванной молодежи почему-то видят дурное, что „она мол не будет нас, стариков, слухать". Но, несмотря на эти препятствия, молодежь пробуждается и организует культурно-просветительные кружки, устраивает литературные вечера, лекции, кинематографические сеансы и т. д.; вместо шатания по улицам с гармошкой и пением неприличных „залихватских" песен стали устраиваться разумные развлечения и стремление к благоустройству общественной жизни.

Довольно печально то явление, что женщина в деревне еще не вовлечена вихрем революции в общественную жизнь; нигде не увидите вы ее каким-нибудь „членом", а „тем более" председателем. Точно также и девушки влачат свое существование: они еще заражены всевозможными предрассудками и „приличиями" и „боятся" не только вступать в организации молодежи, но и посмотреть на „готовое", на спектакли, лекции и т. д.

К идеям посторонних товарищей-агитаторов деревня не сразу прислушивается и принимает, а лишь после достаточного знакомства с приехавшими.

В существующих организациях молодежи работа ведется исключительно культурно-просветительная; говорить же о политической работе почти не приходится. Но, не взирая на все эти недочеты, движение растет и крепнет, неровности сглаживаются, каждый новый день приносит новые добрые вести из деревни. Деревня проснулась, деревня хочет солнца и она возьмет его!

Н. Марнов.

К единению!

Современная жизнь выдвигает перед молодежью грандиозные задачи. Задачи чрезвычайной важности. Размеры их так громадны, так величественны, что ей, при ее ничтожной подготовке, ничтожных знаниях, придется или бессильно опустить руки и отказаться от всякой работы, или же, преодолев себя, победить.

А молодежь сильна. Она только спит. Спала и спит. Она отстала от жизни, у нее нет свободной мысли, нет вольного духа, нет мировоззрения. Еще не пробудились ее силы. Еще лишь просыпается она.

Кругозор ее широк и неограничен, но ничтожные познания закрывают его. Выросшая в старых предрассудках, не освободившаяся от стесняющих рамок религиозного и антисвободного воспитания, она еще не может сбросить с себя, надетую насильно на нее, маску ханжества.

Новые условия жизни требуют напряжения. В руках молодежи будущее, и в этом будущем она обязана принять участие. А по силам ли оно ей? Совладает ли она с ним?

Русская культура самобытна. К ней нельзя подходить с западно-европейским мерилом. Восток более сходен с нею. Но надо помнить, что восточная культура, по преимуществу,—культура лени и вялости, культура „авось!", культура регресса, а не прогресса.

Дабы не оказаться в стороне от жизни, русские должны, оставаясь цельным революционным народом, заимствовать у Запада привычку к работе и, главное, постоянство. Без постоянства не удастся ни одна задача, и ни одна цель не будет достигнута. Плоды работы появляются лишь через определенное время, и это время необходимо выждать.

Молодежь дерзка, и она начнет борьбу. Борьбу со своими недостатками, и, победив их, она победит все!

Одним из печальных штрихов русской жизни является отношение к общественным организациям. Горячий порыв, первоначальная стремительная работа по созданию какого-нибудь об'единения, спустя короткое время сменяются безразличным к нему отношением и даже враждой. Это присуще не только взрослым, но, к сожалению, и молодежи.

Подобное отношение необходимо преодолеть. Преодолеть какими угодно средствами, даже силою, даже принуждением. Нравственною обязанностью каждого сознательного юноши должна быть борьба с безразличностью ко всему среди его товарищей. Борьба эта может вестись через исключение из кружка, денежный штраф и тому подобные материальные меры. Такой метод применяется Союзом Советских журналистов и дает весьма благоприятные результаты. Она может идти также и более мягко, путем пробуждения интереса к организациям, путем заинтересовывания членов ее. Так, в Союзах Молодежи привлекать членов сумеют кассы взаимопомощи, театральные и концертные вечера, экскурсии и т. п.

Привычка — вторая натура. И человек, вынужденный работать в своей организации, будет невольно заинтересовываться ею; сначала, быть может, бессознательно, из-за простого любопытства, но впоследствии он несомненно поймет ее пользу и сделается активным сотрудником.

Долг живой, духовно живой молодежи, не стесняясь принуждением, как таковым, заставлять своих товарищей принимать участие в общественной работе. Насилие над личностью *) не должно в данном случае останавливать их. Здесь насилие—не насилие, а просвещение. Обязательное обучение—своего рода насилие, а между тем, оно оправдывается. В нем одном—спасение молодежи и, следовательно, спасение всего.

В настоящее время насущным вопросом молодежи, вопросом от которого зависит перевоспитание и подготовка ее, является воссоздание ее организаций и об'единение их в могущественный союз для саморазвития и для защиты прав.

Последнее также не нуждается в особых пояснениях. Каждый взрослый, будь он даже и революционер, инстинктивно становится в оппозицию к молодежи; он по существованию своему противоположен ей **). И о нуждах ее не позаботится никто, кроме ее самой.

Каковы же должны быть организации? Их идейной деятельности журнал „Ж. и Т. Р. М." уделил уже достаточно места (№№ 3, 4, 11). Остается выяснить, каков должен быть их состав. Будут ли они классовыми, или для них не будут существовать классовые разделения.

Не касаясь теоретической стороны, без сомнения давно и с разных сторон решенной как молодежью анархической, так и не анархической, следует лишь сослаться на факты, обильно проводимые самою жизнью и ясно показывающие, что классовые об'единения не жизненны.

Организации учащихся все распались. Союзы рабочей молодежи хотя и существуют, но существованием своим обязаны поддержке правительства. Работа в них почти не ведется, активных работников мало, да и те заняты лишь удержанием разбегающихся членов. Союзы интеллигентской молодежи (Свободные Союзы) также не работоспособны и едва прозябают. Очевидно, что классовое строение организаций приходится отбросить.

В то же время существует бесчисленное множество кружков молодежи: литературные, театральные, художественные, анархические и т. п. Кружки эти не многочисленны, они не стремятся к гласности и, по большей части, в них не более десяти,—пятнадцати участников, но все они—деятельные работники. Их об'единяют общность интересов, а также и сама творческая работа. Не отсутствие средств лишает возможности вести широкую агитацию и пропаганду. Оно же мешает и творческой работе, ограничивая размер и влияние ее.

Масса ценных сил, энергии и желания пропадают напрасно, без пользы, будучи приложимы лишь в тесном кругу. А в то же время иные союзы погибают от отсутствия этих работников.

Естественною поэтому будет мысль о соединении всех родственных по целям, но разрозненных организаций молодежи в одно целое, во **Всероссийскую Федерацию Анархической Молодежи**, федерацию с самой разносторонней программой.

Не останавливаясь детально на целях нового об'единения, можно указать, что главнейшим стремлением его будет воспитание и расширение взглядов молодежи в духе широкого, не стесненного партийной и научной догмой анархизма, а также и деловая работа в Революции и за нее!

М. Т.

Молодежь и Советская власть.

Никому не могут быть так близки, так родственны и дороги идеи анархизма, идеи Солнечного Общества, как молодому поколению, и насколько эти идеи более приближает существующее построение общества, настолько менее приходится и более выносимо может быть это устройство. Ведь ясно каждому, что чем менее власть угнетает общество, а следовательно и личность, тем она более дает развернуться творческим силам человека, представляя ему больший круг свободы. Власть более опасна для свободы, когда

*) Редакция, разделяя целиком вопрос об'единения молодежи, в вопросе о насилии совершенно не согласна с автором.

**) Практика показывает, что т.т. коммунисты противятся об'единению коммунистической молодежи, не видя надобности в ней. (Доклад т. Рыжкина на Первом Всероссийском Съезде Союзов Рабочей и Крестьянской Молодежи).

она олицетворяется в едином лице, будь то лицо самовольно себя поставившее, или лицо, избранное народом. Власть на местах, власть не подчиненная центру, конечно, более „идеальная“ власть и потому децентрализованное управление государством более приемлемо для общества.

Октябрьская революция, покончив с парламентаризмом, выдвинула новые формы государственного устройства, выдвинула власть на местах, власть советов, об'единенных между собой на федеративных началах. И этот лозунг „вся власть советам на местах“ имел большую популярность среди масс, ибо предоставлял возможность массам творить свою жизнь так, как им это понравится, как позволяют местные условия быта и т. д. Ведь федеративный принцип таков, что в него входят советы на началах полной автономности, полной неподчиненности какому-либо центру и это было в первые месяцы после октября. Но с укреплением центральной власти, власти не вытекающей из построения на федеративных началах, местная власть советов стала утрачивать свою независимость и в конце концов их роль свелась к подчинению верхам, к исполнению приказов сверху. И таким образом, мы имеем на деле не федеративную республику советов деревень, городов и коммун, а простую советскую республику.

Для молодежи важно не укрепление власти, не централизация ее, а распыление, децентрализация. Мы не можем защищать буржуазную республику, учредительное собрание и ее детище—демократическую республику, мы признаем вольные советы рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, как переходную стадию к анархическому строю; мы за советы, постановления которых могут быть приняты только после обсуждения их избирателями на местах; мы за советы, ибо в борьбе с контр-революцией их роль первостепенна и незаменима; мы за советы, как за организованные ячейки масс в их борьбе за мировую социальную революцию и их автономия нам дорога, но—как только они начинают терять свою автономность, свою самодеятельность,—с этого момента мы замечаем, как масса становится уже простой машиной в руках государства, с тех пор мы уже не столь много можем принести пользы, ибо круг свободы, круг самодеятельности для нас суживается и с этого момента мы уже более становимся в оппозицию к государству. Наша задача, задача молодежи сводится к тому, чтобы раз'яснять массам истинную роль и истинное построение советов; наша задача указывать „основные недостатки механизма“ и это мы тем более в праве делать, что сама власть просит указывать ее недостатки. Разница лишь в том, что в то время, как государственники думают ремонтировать государственный механизм посредством указаний на его „маленькие недостатки“ - в это время мы уже лишний раз убеждаемся, что ремонтировать тюрьму—это значит продлить ее царство,—тюрьма не будет лучше от того, если ее победят, подмажут, исправят ее маленькие недостатки, от этого заключенным в тюрьме не будет легче, важно уничтожить основание тюрьмы, основные устои государства, необходимо выбросить механизм, а не исправлять его.

Такова задача будущего молодежи; задача же текущих дней—подрывать устои государственного механизма, защищать децентрализацию государства, стоять за автономию советов и стремиться к созданию истинных вольных советов трудящихся, ибо такие формы общественного строя более обеспечат самодеятельность и творчество народных масс и приблизят то Солнечное Общество, в котором будет полностью раскрепощена личность.

Н. Марков.

„Эхо молодого леса“.

Как помочь начинающим писать рабочим?

Под этим заглавием была напечатана 28 дек. в „Правде“ статья Е. Херсонской. „Пролетарская литература создается не парнасцами, хотя-бы и выходцами из рабочей среды. Пролетарская литература создается массовым рабочим“, а между тем,—пишет Херсонская,—„безыменным писателям-пролетариям и есть что сказать, да приступить трудно“,—так справедливо замечает автор статьи. Выходов из создавшегося положения Херсонская находит два: во-первых, можно в газетах и журналах открыть специальный отдел произведений рабочих, где наряду с помещенными произведениями давались бы товарищеские указания, что в произведении можно исправить и как; и во-вторых—необходимо организовать литературные студии, где проходили бы первоначальные ступени литературной техники по методу Толстого, который им применялся в Ясной Поляне, где его работа, как руководителя, сводилась, главным образом, к конструкции произведения (что начинающим всегда трудно дается). Необходимо заметить, что первый путь, хотя и достигает цели, но он не может быть приемлем при современных условиях экономии бумаги, с другой же стороны—этот путь, удовлетворяя единичные потребности, несправедливо бы отнимал часть газеты у читателей; поэтому остается единственный путь—организация литературных студий, за что необходимо взяться самим же начинающим писателям, пригласив для этой цели писателей „с именами“.

К с'езду земотделов, комбедов и коммун.

„Крестьянские массы еще не подготовлены к обобществлению сельского хозяйства во всем об'еме его работ, а тем более в коммунистических формах“,—таков вывод т. В. Кураева (см. „Правда“ от 28—XII).

Такие голоса недоверия к крестьянству слышим мы в „Правде“. Уж кто-кто, а крестьяне-то отлично подготовлены к обработке земли на общинных (коммунистических) началах, недаром „низы“ с'езда, т.-е. делегаты уземотделов, комбедов и коммун так отчаянно защищали ту линию земельной политики, которая клонилась к децентрализации, ибо они верили в себя и отлично знали о своей подготовленности.

Привет.

Здравствуй поэзии лира напевная!
Звукам ласкающим сердца привет!
Здравствуй свободная песнь задушевная!
Здравствуй и ты, обновленный поэт!
Лейтесь могучие, страстные звуки,
Сердце горячее в высь увлекайте,
Крепость оков разорвавшие руки,
Смело по струнам небранным бряцайте!
Пусть этот мир превратится во рьяный
Гимнов торжественных песен поток!
Пусть разольет перед нами свой пряный
Запах расцветшего счастья цветок!
Пусть, от гармонии песен, будящих
Мысль на свободный, высокий полет,
В наших сердцах, огонь дивный таящих,
К творчеству чувство любви расцветет!

Василий Стрельников.

О, мир чудесный...

О, мир чудесный, мир прекрасный,
Тебя я дорого ценю!
Твоих течений гордый, властный
Напев несказанно люблю!
Душе высокой, верь, понятна
Твоих величий красота,
И в чудных звуках еле внятна
Твоя роскошная мечта!
Я с ней свою мечту сливаю
И, отрешенный от сует,
Тебе хвалебный гимн слагаю,
Как очарованный поэт!
О, если-б мог я окрыленным
Себя на небо вознести
И этим гимном восторженным
Твои пространства потрясти!
О, если-б мог красоты вечно
Я пылким сердцем целовать
И в море счастья бесконечно
Себя восторженно купать!

Вот так и ты, звезда Свободы,
Как этот мир меня пленила
И чувство горестной невзгоды
Навек в душе похоронила!

Василий Стрельников.

Хочу...

Взять вас приступом дерзким и смелым,
В сеть дурманной любви заманить,
И порывным и пламенным телом
В вас безумства души перелить.

В вас познать все мирские желанья,
Вам поведать мечты и печаль,
И с туманным, неясным исканьем
Вновь уйти в бесконечную даль!

Елена Н. (Моргунова).

Над горами.

Небесами ясными
Облака бежали,
Взорами уставшими
Отдыха искали...
Чуть-чуть притаились
На вершине дикой,
Крылышки закрылись
Над иглою—пикой....
А, вздохнув немного,
По прозрачной сини
Снова в путь—дорогу,
В колыханье линий..

А. Платонов.

На заре.

Мертвое сердце воскресни,
Спящие чувства проснитесь,
Лейтесь забытые песни,
Юности грезы вернитесь!

Солнце из дали туманной
Заревом блещет багряным.
День наступил долгожданный—
Радостный, светлый, румяный.

Тучи прогнал грозовые.
Ночи сорвал покрывало.
Сгинули призраки злые,
Долгая ночь миновала...

В. Озимый.

Надломленные крылья.

Рассказ С. Подгорецкого.

Посвящаю светлому гению моей юности Зое П.

I.

Осторожно ласкает тихий ветер шелестящую листву дерев нарядно расцветшего сада. Пахнет сиренью и черемухой. В густой траве стрекочет без устали кузнечек; там трепыхается среди цветов бабочка; порхают в пышной зелени берез щебечущие пташки, упиваясь вешней прохладой надвигающегося вечера.

Отчего так грустно, тоскливо на душе? Отчего так тревожно бьется юное сердце?

Ведь сейчас выйдет нежная светлая девушка, я услышу ее грустный музыкальный голос, увижу ее дивные черные глаза, всегда глубокие, скорбящие, красивое личико.

Валя! Голубка! Она любит меня, любит тихой кроткой любовью, но почему она скрывает, чего то боится. Приветливо улыбается лазурь неба... И на душе тревога, боязнь чего то далекого и близкого, радостного и мучительного.

„Завтра приедет Нонна"... шепчет листва, убаюкиваемая весеннею песнью вечера, и в голову ползет эта навязчивая мысль, и все копошатся где то в глубинах тайн души тяжелые предчувствия чего-то страшного, стихийного.

Отчего я смутился, покраснел, когда Валя предложила мне поехать вместе встречать Нонну?

„В среду приезжает сестра. Хотите поедем встречать,—она будет рада", сказала она так просто, спокойно, а я растерялся, незная что ответить, и это не ускользнуло от наблюдательного взора Вали. Она заметила, вспыхнула, хотела что-то сказать, а может-быть, и сказала и их слова бесследно утонули в синей дымке вечера, не коснувшись моего уха... Когда я очнулся,—ее не было: ушла обиженная, забытая.

Трехлетняя разлука, казалось, уже окончательно вырвала молодые ростки почти детской любви. Я любил Нонну гимназисткой 5 класса, был в число ее обожателей и поклонников, которых она либо не замечала, либо не хотела замечать... моя любовь осталась непринятой... Тосковал, ныл, мучился безнадежностью своего „пламенного чувства", но время исгладило все и теперь оно уже забыто и не вернется...

Чей-то голос знакомый, близкий, рассыпавшись в притаившейся тиши, заставил меня отряхнуть целый рой назойливо жужжащих воспоминаний...

Валя! Она! Конечно, Валя.. А кто же другой?

Неужели Ликов?

Не надо, Леонид, никогда не будем больше говорить об этом. Да, да.. Я не люблю, не могу любить вас,— волнуясь, говорит Валя.

Зачем я слушаю? Уйти, непременно уйти...

Но что то странное удерживало меня... Казалось, здесь я услышу приговор, вынесенный жизнью одной из человеческих душ...

— Прощайте Валя! Никогда,—слышите,—никогда не думайте обо мне, не вспоминайте моих слов, не жалейте меня. Вы, Валя, были моим путеводным огоньком и остались им, только теперь недостижимым, всегда далеким, призрачным. Все, что вы сказали мне, я выполню честно. Одиноким скитальцем ухожу я от мира сытого, довольного в стан погибающих борцов за светлые идеалы великого будущего... И ваши заветные слова будут живы в моей душе... И как тяжел не был крест, я дотяну его до могилы. Будьте счастливы, Валя! Прощайте!

Последние слова с нестерпимой болью вырвались из страждущей груди этого, поистине, обреченного на невзгоды жизни доброго, отзывчивого, обаренного недюжиной натурой, юношу... И неужели я, его друг, стал на пути к счастью?... Каждое слово, полное тоски, отчаяния, воплем вырывалось из его наболевшей души. Передо мною стоял страдальческий, измученный горем лик Лени. Слишком рано пришлось ему испытать горькую чашу жизненного яда.. И разве теперь я могу утешить тебя, разделить твои слезы, как прежде,—помнишь, родной? Как больно, горько. Прости меня, дорогой!

— Вы здесь, Виктор,—волнуясь, вся бледная, спросила Валя с упреком.

Я очнулся от давящих дум... о нем, о Лене, удел которого так просто и несложно разрешает жизнь.

Она вышла из-за деревьев, остановилась и, незаметно для себя, погрузилась в тяжелое раздумье.

Мы молчали, боясь нарушить немую, мучащую тишину, нашептывающую о том, что где-то... там... далеко есть обездоленные, страждущие, тихие, почти беззвучные стенания, которые чужды, непонятны нам и никогда не долетят до нашего уха, но что, может быть, каждый из нас обречен на те же кошмарные муки, но это еще впереди... Может быть, судьба предначертала уже наше будущее скрипящим пером на черной доске, погибающих разбитыми, униженными, расслабленными, прокаженными...

Вдруг тихая, далекая музыка, разлившись тоскливыми переливами грустных аккордов, развеяла мучительно-напряженное забытье.

Мы очнулись, растерянные, испуганные. То играл духовой оркестр в городском саду...

Ласково пригревало заходящее солнце, радостное весеннее, рассыпаясь миллиардами волнующихся дрожащих золотых блесток. Тихо нежилась природа в его мягких об'ятиях. Весело купались недавно прилетевшие ласточки в теплых розовых лучах. Казалось, нежная песнь пробудившейся природы и наполнившие ее звуки мелодии слились в дивную фантастическую гармонию, прекрасную зачаровывающую..

Пред нами раскрылся неведомый, чудесный мир упоительной сказки. Души тонули в его мягких волнах, и любовь чистая, светозарная тихо манила к себе, в высь... в темнеющую синеву небес...

К чему так жадно прислушивалась Валя?

Грустная улыбка замерла на полураскрытых губах. В лице ее была странная тревога, забота, затаенная тоска.

— Пойдем к реке, на кладбище,—нерешительно проговорила Валя, а затем добавила:—какой вы скучный сегодня.

Хотелось сказать что нибудь, но никак нельзя было подыскать мыслей:—и слова, и фразы, и мысли,—все вихрем умчалось, вылетев стремглав из головы. И она поняла это, поняла душой... Я видел, как опустились ее длинные, черные, ресницы и мучительная бледность давящей боли покрыла лицо. Щемило и у меня сердце, хотелось плакать, но... не было слез.

—Вас, Виктор, утомляет мое общество. Простите меня... я уйду... Прощайте!—Быстро повернулась, ушла. Как мягко, задушевно прозвучали ее слова; полные глубокого участья, глаза сказали остальное.

„Прости меня Валя,—шептал я,—простидобрая девушка за мое настроение, которое огорчило тебя, но разве я виноват в том, что не могу притвориться и лгать самому себе".

Дневная жизнь замирала. Боязливо шепталась листва здесь, на берегу... Молчаливый, полный тихих дум вечер распростер свои синие крылья над дремлющей землей. Долговязые тени растянулись по земле, а там внизу на синеватохрустальной глади реки они упали в воду. Хмурый обрыв навис над рекой, глядя в ее волны, резво бегущие вниз по течению. Золотые лучи почти спрятавшегося за лесом солнца, окрасив дивными переливами холмистую поверхность

Дневная жизнь замирала.

его, скользили по воде, придавая ей блеск переливающегося серебра...

II.

Так недавно приехала Нонна, и мы уже стали почти открытыми врагами. Как странно-глупо. Незримая стена, твердая, непроницаемая стала между нами. Где же причины вражды, скрытой от всех, но очевидной для нас? Почему каждый из нас хочет их найти, выискать у себя в сердце? Может-быть, потому, что их нет, межет быть, потому, что и враждовать в нем нет. Да, что-то странное, выходящее из пределов повседневной жизни скрывалось так тщательно бережно под оболочкой наружной злобы. И, казалось, мы это сознавали боязливо, нерешительно, стараясь утаить даже от себя. Мы избегали встреч и жаждали их... Каждый из нас вызывал на бой стихию, невидимую, но близкую, глубоко веря в победу ее, мучительно сознавая неизбежность своего поражения. Здесь чувствовалась сила и могущество рока, и борьба казалась ненужной, бессмысленной, а все же для чего то нужно было бороться.

„Я—эгоистка, я никого не люблю, кроме себя одной, и если полюблю кого-нибудь, то только в угоду себе, только потому, что люблю себя".

Это говорит она... Нонна, юная, прекрасная, как нежное утро весны, девушка. Молодой, только что окрылившийся, вспорхнувший мотылек, согретый ласковым дыханием солнца, взлетел на неокрепших крыльях навстречу ветрам дим-

„Вперед, вперед, к морю"—задыхаясь от радости шепчет мотылек.

ким об'ятиям бурь... Как легко и просторно носиться в легких волнах обманчивого ветра, все дальше и дальше от земли, на прохладе моря. Свежая волна подхватила и несет туда... вперед, к морю, заманчиво тающему в безбрежной дали. Безоблачное небо... тихое море...

Смело, беззаботно играя в колыбели волнующегося зефира, плывет уносимый ласкающим течением мотылек, забывшись в неутолимой жажде бурного счастья... Он не внемлет лепету лужаек, грустной песни весенних цветов, зовущих к себе в нежные об'ятия.

„Вперед, вперед, к морю",—задыхаясь от радости шепчет мотылек..

Сегодня встретились опять так же неожиданно, холодно, как обычно. Забывшись, я лежал в густой глубокой траве, утопая в ее пышной зелени, где лениво копошились маленькие, еле заметные, хлопотливые создания насекомого мира, под широкой тенью деревь городского сада.

Жаркий, почти летний день устало разливал тяжелую истому, дремоту, сонливость. Ветер осторожно колыхал верхушки деревьев, еле слышно шумя листьями.

В грустном оцепенении замерло небо, бархатное, голубое ..

Слипались глаза; вывалившаяся из рук книга валялась невдалеке. Мысли, обрывистые, давящие, грузно бродили в голове.

Откуда-то доносилось пение. То пела девушка; голос, как сыплющееся серебро, звенел в докучливой тиши.

Что-то таинственное, загадочное вырывалось из тайников мятущейся души. Кто то скорбел, грустил.

Крадучись, я подошел к месту, откуда лились звуки тихого напева. Неужели Нонна?

В светлом платьице, белый шарф спрятал шелковистые пряди золотых волос, кокетливо выползавших из-под нежной материи. Ее очаровательный профиль гречанки приковывал к себе детскою наивностью... Да, да, дитя юное, чистое дитя...

— Здравствуйте Нонна,—сказал я, обрывая ее тихую, томную мечту.

— Здравствуйте, Нилинский,—холодно безучастно и спокойно, как бы ожидая меня, ответила она, а затем с видимым упреком добавила:

— Вы, вероятно, предполагали встретить Вадю. Какая неприятная ошибка.

Легкая, презрительная улыбка скользнула по ее лицу.

Долгая, неловкая пауза...

— Нонна, скажите, зачем все это? Зачем обманывать себя? К чему разыгрывать ненужные, навязанные роли? Вы ждете аплодисментов? От кого? А может быть...

— Неужели вам, Виктор, нужна искренность? Для чего? Мы слишком чужды и далеки друг другу...

— Да... далеки... но ведь причины...

— Причины,—перебила она, взволнованно,—причины,—вот они: каждый из нас понимает жизнь, но—увы!—один видит ее через преломляющую призму, а другой смотрит прямо в ее черные, жгучие глаза... И чем дольше, чем внимательнее всматриваешься в глубины этих глаз, тем больше боишься их и тем сильнее любишь жизнь. Что-то мучительно манящее, полное жутких тайн в ее демонских глазах. Как хорошо броситься в бурные волны океана. Борьба ужасная, величественная... Взять от жизни все, все, что есть в ней, а тогда и умереть хорошо, отрадно; тогда смерть—та тихая пристань, где найдешь свой покой, отдых вечный после недолгой житейской борьбы...

И здесь,—в словах, в мыслях, вылившихся в ее красивом порыве,—чувствовались сила, мужество, отвага...

— Надо жить, Виктор, надо жить,—продолжала она,—а я ведь так хочу жить,—понимаете ли,—жить. Счастье, о котором так много говорят люди,—призрак лучезарный, обманчивый. Есть минутные радости, случайные удовлетворения и называть это счастьем нельзя и не следует, а жить несбыточной мечтой скучно, тупо, бестолково,—неправда ли?

Она умолкла. Что я мог ответить? Не было слов, не хватило мыслей. Все сказано и сказано так уверенно, убежденно... Немая боль сковала сердце, хотелось рыдать...

Неужели это сказала она—Нонна, юная девушка? Так выдержанно лилась ее речь. Все наболевшее, измучившее вырвалось из ее души, и все же она сказала много правдивого. Сам того не замечая, я покорялся истинности ее мыслей.

Ушла. Я впал в глубокое забытье...

Кто-то добрый, ласковый пришел ко мне, склонил свою чудную головку у меня на груди и тихо рыдал... Это—Валя, чуткая, отзывчивая. Как прекрасна ее кроткая, всегда тоскующая душа... Все—как в тумане.

„Томно, скучно, здесь среди маленьких людей, Вита!.. Мучит, давит узкая оболочка нашей души. Так хочется туда, к небу, постигнуть, разгадать его зачарованную тайну. Взгляните, Виктор, в простор небес: сколько там возвыщен-

... — Здравствуйте, Нилинский.

ной неподражаемой красоты, беспредельно манящего величия.

Глаза ее горели пугающими огнями; лицо светилось тихой затаенной радостью. Вот истинная дочь природы.... Она любит ее, постигает ее сокровенные тайны и живет ею...

„Есть в ней то высшее, девственно-чистое, через что так дерзко и грубо преступил человек. Ее бессмертная душа так идеально непорочна, бесконечно красива, глубока, что недоступна восприятию чувств и разума человека".

И это—не слова, не содрогания воздуха, а истина, воспринятая ею, воспитавшая ее и воплотившаяся в нее.

(Продолжение следует).

С. Подгорецкий.

Сны.

Этой ночью пришла ты ко мне
И сказала: „Нет сил не любить,
Не могу о тебе я забыть;
О тебе и о прошлой весне".

Это было, конечно, во сне.

Наяву ты ко мне не придешь,
Наяву ты сказала: „я сплю,
Снится он. Я его лишь люблю...
Не тебя... уходи... не тревожь...

Сны—насмешка над сердцем и ложь.

Николай Захаров.

К звездам.

СОНЕТ.

Вокруг—кошмар... И мрачные юдоли
Встречаю в жизни я, встречаю без конца,
Где вечно стонут лишь разбитые сердца,
Пред черным призраком поруганной их доли.
Желанья светлые неведомой им воли
Там скрыты вечностью угрюмого лица.
Рубины яркие сурового венца
Там—жгучий, жгучий яд, мучительные боли.
Средь них мне жить тесно. Мне душу отравляет
Горящий вечно там кровавый фимиам.
Он черным облаком клубится к небесам,
Одним безумием всю землю наполняет.
И в этом хаосе душа моя страдает
И вечно просится к сияющим звездам..

Р. Эрманд.

В СТИХАХ И ИЛЛЮСТРАЦИЯХ, ИВАНА АСПИРИНА.

(*Продолжение*).

VIII.

За сим стал княжить некто новый,—
Не княжить.. царствовать.. pardon!
Царь нелюдимый и суровый
И „Грозным" назывался он.
То было время испытаний;
И вот едва, не с двух ли лет,
Иван сгонял всех в рог бараний
И отправлял не в этот свет
Везде кошмар, везде смятенье;
В крови купалась вся страна
Повсюду крови наводненье,
Похмелье пира—без вина!
Где объясненье этой жути?
Каким судом судить царя?
В томах ученой, мудрой мути
Не будем долго рыться зря.

IX.

По смерти Грозного Ивана
Сын Федор, что принял престол,
Умом не приток, взгляд барана,
Был смирен, тих, совсем не зол.
Любил он четки и монахов;
Кадил иконам, пел псалмы,
Отдал свой трон, слегка поахав,
Боярской думе, но увы!
В истории ни что не ново:
Боярской думой был Борис,
И вот решенье Годунова:
Я буду править—ты молись.
Борис стал править не на шутку;
Был строг, однако милосерд;
Плясали под Бориса дудку
Бояре, князь купец и смерд.
„Мужик быть должен домоседом,
Шататься попусту—из'ян";
Борис подумал за обедом
И прикрепил к земле крестьян.
Он правил строго, правил мудро,
Но вдруг стал сниться страшный сон;
Димитрия златые кудри
Мешают спать, покой смущен.
Известна всем Бориса милость,
Известен всем Бориса гнев
И вечто в Угличе свершилось,—
Пал Дмитрий, пикнуть не успев.
А царь Феодор перед смертью
На глас попов: „О царь вонми;
Кому поручишь царство? Черти";—
Ответил—„дяд его возьми?"
И сей последний против правил,
Хотя был Рюрик, мудрый царь,
Потомства вовсе не оставил
Чего и не случалось встарь.
Припомня Дмитрия кончину,
Душой „любя" святую Русь,—
Жена Феодора—Ирина
Сказала: „править не берусь!"
Мне править Русью было-б тяжко,
И запах ладана мне мил",—
Сказала и пошла в монашки,
Борис на радости запил.
Тут патриарх московский Иов
Бориса предложил в царя:
Сей будет царствовать счастливо
Народ молись и избери;
Борис сперва слегка ломался
Просили скопом весь народ,
Но вскоре он короновался
И был устроен крестный ход.
Борис и не обидит мухи,
Но все-ж ему не повезло:
Об Угличе „пустые" слухи
Вспывали всюду, как на зло
С Борисом вместе правил голод,
Три года мор людей косил;
Народный бунт—сей страшен молот,
Он житницы свои открыл
И бедным выстроил жилище;
Он бедным раздавал гроши,
Но слух один другого чище
Расли и ширились в тиши.
Был заговор открыт боярский
Борис стал желчен и суров,

И перекован скипетр царский
На кольца жесткие оков.
Постриг в монахи Филарета,
Но в сей трагический момент
В шестьсот тринадцатое лето
Явился новый претендент,—
Отрепьев Гришка, беглый инок
Себя Димитрием назвал.
И ряд забавнейших картинок
Нам в назиданье показал,
Имея барские замашки,
Отрепьев на Москву пошел;
Бориса в этот час кондрашка
Хватил в итоге всяких зол.
Димитрий с преогромной свитой
В Москву явился—светлый май,
С прямым пробором и завитый;
Русь веселись, пляши, играй!!
Женился на Марии Мнишек,
Ходил в литовском кунштуке
Народ решил: сие—излишек
И утопил его в реке.
Себя почувствовал тут в силе
И об'явил себя царем,
Князь Шуйский именем Василий,
Но смута поднялась при нем.
Восстания поднявши знамя
Холопы, смерды, казаки
Собой решили править сами
Разлив запруженной реки;
Судьба решила все иначе.
Василий Шуйский не дремал
И знамя вольности казачьей
Свирепо смял и растоптал.
То было время провокаций,
Бояре сеяли раздор
И среди всех перетурбаций
Явился вдруг „Тушинский вор".
Дворянство резало боярство,
Бояре резали дворян;
Со всех сторон одно коварство,
Со всех сторон один обман.
Но вор убит, „уйден" Василий,
„Боярской думе" нужен царь:
Спасти страну от всех „насилий"
Спасти престиж, как было встарь.
Москва трепещет вся от флагов;
Уехал „мудрый" Филарет
Из Польши призывать „варягов"
Поцарствовать хоть на пять лет.
И Сигизмунд ответил: „буду";
Поцарствую, уж так и быть,—
Но смердам и простому люду
Не по сердцу такая прыть.
Заволновались смерды снова:
„Поляков следует прогнать",—
И под начальством Ляпунова
Пошли войной на нашу знать.
Но политические розни
Не дали воинству дойти
И Ляпунов, сей воин грозный,
Растерзан был на полпути.
В такое бедственное время
Всеобщих смут и грабежей
Отняли шведы злое племя
Куски российских рубежей.
Поляки праздновали праздник,—
„Русь наша"! Пир, за пиром бал,
А в Пскове третий безобразник
Димитрием себя назвал.
В то время в Нижнем некто Минин
Мясной торговец, звать Кузьма
Порой впадал во тьму уныний
Душой за Русь страдал весьма.
Однажды вышел в час вечерний
И, под влияньем злых вестей,
Перед лицом шумящей черни
Сказал: „заложим жен, детей;
Для легкости сией задачи
Я новый банк осную вам",—
И так добавил, горько плача:
—„Смерть душегубцам полякам!"
Народ взвопил Нижегородский:
„Ну что-ж? Давайте Русь спасем!
А князь Пожарский, бывшим сотский
Был воеводой взят в наем
Пожарский ляхов взял измором
Разбил и выгнал из кремля;
Теперь конец гражданским спорам,
Покойся русская земля!

(Продолжение следует в № 18).

И. Аспирин.

ВОЛЬНАЯ ТРИБУНА.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Желая всесторонне осветить затрагиваемые сотрудниками вопросы жизни, поэзии и искусства, а также оживить обмен мыслей как сотрудников, так и читателей, Редакция с настоящего номера открывает новый отдел „ВОЛЬНАЯ ТРИБУНА".

Помещаемая ниже статья „Призвание поэта" Е. Горловой служит ответом на некоторые положения, выдвинутые А. Вашковым в статье „О многостороннем и многогранном обществе", помещенной в № 14 нашего журнала.

ПРИЗВАНИЕ ПОЭТА.

В отдаленный век романтизма, во времена блаженной памяти поэта В. А. Жуковского, на поэта или вообще на художника смотрели, как на избранника Неба, на глашатая вечной истины, идей Добра и Правды.

В поэме „Камоэнс" Васко восклицает: „Я быть хочу крылом могучим, под'емлющим родные мне сердца на высоту; зарей, победу дня предвозвещающей; великих дум возспламенителем, глаголом правды, лекарством душ, безвернем крушимых, и сторожем нетленной той завесы, которою пред нами горний мир задернут, чтоб порой для смертных глаз ее приподымать и святость жизни являть во всей ее красе небесной,—вот долг поэта, вот мое призванье!"

Роль поэта в жизни возвышенна и благородна.

Поэт — жрец Истины, Добра и предвозвестник победы дня.

Поэтому на торжище жизни, в повседневной житейской борьбе его участие пассивно, он непрактичен, ибо он выше суеты, занят созерцанием красоты и в творческих устремлениях своих, бесконечно далее от мелких будничных забота

Так было во времена романтизма, но они прошли давно; происходит смена эпох. Наступает век практицизма и труд, как основа жизни, выдвигается на первый план. Общая картина жизни меняется... Каков же поэт нового времени?

Тот же ли он пассивный созерцатель, мечтатель с устремленным к небу взором? Или же иной, бо ее земной и более активный член современного общества?

Глубокая ошибка понимать поэта, как только слагателя красивых песен, хотя бы и призывных и „глаголом жгущих сердца людей", свое отношение к жизни ограничивающею только созерцанием последней.

Нет, поэт более, чем кто либо другой, близок теперь к труду; как ни казалось бы это положение парадоксальным, я его утверждаю.

Творческий созидательный труд требует от человека непременно тех именно качеств, которые присущи душе поэта и художника: развитое воображение, стремление к творчеству, стремление к красоте.

Всякий же свободный труд, в благоприятных условиях,—прекрасен, если он действительно приносит пользу людям, и это сознание его полезности для общества увеличивает энергию даже неодаренного человека; у поэта же, как такового, если он, действительно, истинный поэт, это сознание пользы должно и труд весь преобразить; для поэта не существует серенького труда, он во все вносит элемент красоты, преображает, поэтизирует обыденную мелочь, придавая ей смысл и значенье.

Из будничной трудовой жизни он создает красивую поэму труда.

Не только созерцать и воспевать красоту призван поэт, а также созидать ее, рождать, деятельно насаждать ее на поле жизни.

Не только мечтатель—певец, но и практический работник, и еще раз повторяю, что ошибочно понимать поэта, как только слагателя песен, ибо можно быть *поэтом*, не написав ни одного стихотворения, но творить красоту жизни, быть борцом за красоту.

Современный поэт — деятелен, активен; ему мало воспевать, он жаждет реального осуществленья на земле своей прекрасной мечты, а не устремлять более взоров к небу, которое от него слишком далеко.

Современный поэт—земной, близкий жизни и людям и имеет с ними общие интересы.

Недавно мне пришлось прочитать в одной статье следующее: „Избранные созданы для того, чтоб ничего не делать". Кто же, кто же будет тогда осуществлять заветы красоты? Нет, избранные именно для того созданы, чтоб *делать* и делать не так, как простые смертные, а горячо и вдохновенно!

Когда то на поэта и художника смотрели, как на бездеятельных лентяев, но это уже старо, так старо! Теперь труд занял первое место в жизни, и этот обновленный, свободный, творческий Труд, близок и свойствен душе поэта.

И пора отречься от устарелого взгляда на поэта и художника, как на пассивных созерцателей жизни.

В самом деле, есть ли теперь в нашей действительности такие чистые созерцатели, бездеятельные мечтатели, какие были возможны раньше, баловни, обезпеченные за счет чужого труда?

Та пора прошла, и труд преображенный, радостный, творческий стал в наше время девизом жизни как всякого человека, так в особенности поэта!..

Е. Горлова.

ХРОНИКА.

Жизнь крестьянской молодежи.

Село Юрино, Нижегородской губ.

Сообщаю вам в нескольких словах об нашей организации, членом которой я состою. Наша организация молодежи организовалась в марте сего года. Организатором частью был я, частью Лапшов (ученик IV класса Юринской Советской школы II ступени).

Сначала молодежь мало нам симпатизировала, и членов у нас было только 12 человек. Но дело, конечно, не в количестве членов, а дело-то в деле. Дали название нашему союзу „Юноша" и журнал издавался под этим названием. В марте был вечер, после которого количество, членов стало больше; в августе сего года был спектакль; ставили „Голодные сытые", который прошел с большим успехом. После этого количество членов возросло до 70 человек. 19 декабря у нас был еще вечер ставили „Накануне", и водевиль „Оглох от дружбы", который был в пользу военнопленных, возвратившихся из Германии и Австрии. На этом спектакле была продажа ваших журналов, которые раскупались с большой охотою. Работа кружка идет ничего. Есть сочувствие от граждан и от власти.

В. Захаров.

Москва.

Не так давно при 71-ой советской единой трудовой школе начал функционировать только что открывшееся Рогожско-Симоновское Гимнастическое Общество, в которое принимаются подростки-учащиеся школ 2 ступени местного района. Программа этой, весьма желательной организации, довольно обширна, начиная с военного строя, шведской гимнастики и кончая пресловутой джиу-джицу и тяжелой атлетикой. Но, к сожалению, нет опытных инструкторов и теперь, пока, занятия ведутся под преподованием своих же учеников старших классов. Нужно надеяться, что Культурно-Просветительный отдел при местном Совдепе не будет на это смотреть сквозь пальцы и приложит все усилия, чтобы это культурное начинание с девизом: „В здоровом теле,—здоровая душа не загасла, а распустилось бы в пышный и благоуханный цветок". Товарищи, не будьте инертны к своим культурно-просветительным ячейкам и крепко спаивайтесь вокруг них на фундаменте товарищеской самодисциплины. Да здравствуют и процветают *свободные* организации *свободной* русской и интернациональной молодежи!.

П. Брыков.

Народное просвещение.

Учреждение новых высших учебных заведений.

Проводя систему об'единения высших учебных заведений, давшую отличные результаты в Англии и Америке как в смысле экономии учебных сил, так и удобства преподавания. Отдел Высших Учебных Заведений постановил присоединить к Воронежскому Государственному Университету Воронежские частные высшие агрономо-экономические курсы на правах самостоятельного факультета.

Вместе с тем, в виду того, что Казань расположена среди богатейшего промышленного района и является крупным культурным центром, п становлено учредить в указанном городе высшее учебное заведение—политехнический институт, соединив и преобразовав для этой цели Казанское политехническое и Коммерческое училища, Виленское Техническое училище и Художественную школу.

Преобразование Педагогического института имени Шелапутина в Московскую Педагогическую Академию.

Педагогический институт имени Шелапутина преобразуется в Московскую Педагогическую Академию для научной разработки педагогических вопросов, и для подготовки деятелей по народному образованию.

В академии учреждается несколько отделов: общий, пропедевтический и специальные: физико-математический, естественно-исторический, географический и социально-исторический.

Нар. Комисс. Просвещения учреждает для замещения должностей преподавателей научных предметов Всероссийский конкурс; к участию в конкурсе приглашаются все желающие работать в будущей Педагогической Академии; необходимо до 1 января 1919 г. представить очерк своей прежней деятельности и список своих трудов, по адресу: Москва, Остоженка, 53, Народный Комиссариат по Просвещению, комн. 90—Комиссия по делам Московской Педагогической Академии.

Новый Техникум Политехнического Общества.

Русская промышленность всегда нуждалась в надлежаще-подготовленных помощниках инженеров. Этот пробел особенно чувствуется теперь, когда приходится воссоздавать нашу промышленность. Такие помощники должны выйти, по преимуществу, из среды лиц уже работающих в области промышленности и техники, но чувствующих недостаток в теоретических знаниях.

Идя навстречу этой потребности, Политехническое общество, состоящее при Московском Высшем Техническом училище, после двухлетней подготовительной работы, открывает в декабре занятия в учреждаемом им Техникуме. В текущем году открываются отделения Механическое, Электро-Техническое и Общественно-Экономическое.

Занятия вечерние; продолжительность курса три года. Число вакансий ограничено. Справки в Канцелярии Политехнического Общества, Малый Харитоньевский пер., д. 4, 5 этаж, кв. 5, от 4 до 6 час. веч.

Москва. Комиссаровское Техническое училище. 26 декабря было созвано собрание „Кружка вольных". Выработаны цели и план работы. Основная цель кружка: раскрепощение учащейся молодежи и воспитание ее в духе анархизма и подготовление к роли могучего творца будущего. Намечены: организация школы пропаганды анархизма, культурно-просветительная работа и взаимопомощь. В средине января устраивается диспут „Анархизм и Коммунизм". Организуется социалистическая и анархическая библиотека.

Москва 29—XII в доме „Союза Союзов" состоялся митинг на тему „Русская революция и анархисты". Митинг был устроен инициативной группой Союза анархо-синдикалистов-коммунистов. Выступали: Максимов, Оскаров, Павлов, Скворцов, Вармаш, Ярчук. Докладчики коснулись истории возникновения анархистов в России и их участия в революции 1905 года, мартовской и октябрьской, а также настоящего момента.

Москва. 29—XII в 3 аудитории Политехнического музея состоялась лекция Бр. Гординых на тему: „О Единственном" (критика М. Штирнера). Докладчики, отрицая государство, церковь и науку, призывали слушателей к созданию Социотехникума к творческой работе. Время „изыскания молекул" прошло,—необходимо творить технику, творить новое общество, творить Анархию! С горячей речью в защиту Социотехникума выступали двое рабочих, которые призывали перейти из кабинета к практической работе.

Москва. При Московской Федерации Анархистских групп организован *Первый Центральный Социотехникум* и при нем временный техникум пропаганды и агитации. Лозунг Социотехникума „Творите Анархию!" Лекции и собеседования происходят от $5^1/_2$ час. вечера: Тверская, Настасьинский пер., д. № 1.

Москва. Книгоиздательством анархистов-коммунистов „Светлая звезда", выпущена в свет новая книга А. Карелина „*Россия в 1930 году*"—цена без перес. 1 р. 50 к. Выписывать можно по адресу: Москва, Б. Дмитровка, 15, типография Л. Федорова.

Годичные педагогические курсы.

Для осуществления идеи всеобщего обучения и для проведения в жизнь положения о трудовой социалистической школе потребуется большое количество новых учителей-социалистов. Учебные заведения, готовящие учителей, не в силах дать стране то количество желательных педагогов, которое необходимо для создания новой школы.

В виду этого, Отделом Подготовки Учителей Н. К. П. разработано положение „О временных годичных курсах для подготовки учителей для единой трудовой школы". Всюду, где это окажется возможным, по местным условиям, открываются педагогические курсы: А) подготовки учителей для 1-ой ступени, Б) для 2-ой ступени единой трудовой школы, В) политехнические курсы для подготовки руководителей по проведению трудового начала в жизнь школы. Курсы А можно устраивать там, где имеются учительские институты, семинарии и педагогические курсы. Курсы Б устраиваются при высших учебных заведениях, при Педагогических Учительских институтах. Курсы В устраиваются при высших и средних политехнических школах; тип и учебный план этих курсов, в зависимости от местных условий, устанавливается Отделом Нар. Образования.

Заведывание учебной частью курсов принадлежить Отделам и Педагогическим Советам. В состав Педагогических Советов входит представители от слушателей в числе, равном числу преподавателей курсов, и один представитель от местного союза учителей-интернационалистов.

Социалистическая академия общественных наук.

Выяснились интересные и поучительные данные о составе слушателей С. А. О. Н., их образовательном цензе, партийности, роде занятий и т. д.

Общее количество слушателей к 15-му октябрю достигло 1870 человек; из них мужчин—1321 человек (70,64 проц.) и женщин—549 человек (29,36 проц.). На социально-историческом разряде числятся 1096 человек, на финансово-экономическом—331 человек, на политико-юридическом—302 человека, на технико-экономическом—93 человека.

По возрастным группам общее число слушателей распадается так: до 25 лет—51 проц., от 25 до 30—28 проц., свыше 30—20 проц.

По полученному образованию слушатели делятся: с законченным высшим образованием—160 человек, с незаконченым высшим образованием—280 чел.; с незаконченным средним образованием—776 с незаконченным средним образованием (все прошедшие свыше 4 класов гимназий, реальных и коммерческих училищ, семинарий и т. д.)—307, чел; лиц с начальным образованием (менее 4 классов гимназии, городские училища, сельские школы и т. д.)—359 человек.

По роду занятий слушатели делятся:

1) Советских служащих—1090 чел.

2) Лиц, занятых частной службой—414 человек.

3) Учащихся, не подходящих к первым двум группам—124 чел.

4) Безработных—240 чел.

Слушатели, занятые трудом, по характеру работы сведены в две группы: 1) занимающиеся интеллигентным трудом—1507 чел. (92,46 проц.), 2) занимающиеся физическим трудом—123 чел (7,51 проц.).

Группировка по политическим партиям дает следующие цифры: коммунистов—443 чел., сочувствующих коммунистам—318 чел., социалистов-революционеров—85 чел., беспартийных—1018 человек.

СПРАВОЧНИК АНАРХИСТА.

Всероссийский Секретариат Анархистов-Синдикалистов помещается: Москва, Поварская улица, д. 19.

Московская Федерация Анархистских Групп помещается. Тверская, Настасьинский пер., д. № 1.

Московская Лефортовская районная организация Анархистов помещается: Покровская ул., д. № 77. Книжный магазин, клуб и библиотека при ней открыты от 5—8 ч. вечера.

Московский Свободный Союз молодежи помещается: Тверская, д. 27, кв. 51.

Московская Анархистская Группа учащейся (2 ступени и высшей школы) **молодежи** помещается: Чернышевский, д. № 18, кв. № 2.

Московская Анархистская Ассоциация молодежи: 1-я Мещанская, д. № 50, кв. № 12.

Об условиях подписки на журнал в 1919 году смотрите в № 16.

Редактор: Н. В. Марков.

Издание Московской Анархической Ассоциации молодежи.

Типография „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ", Москва, Большая Садовая, д. 14. Телефон № 2-06-35.